

Шэнь Цзиньчэн медленно шла домой, наслаждаясь влажным ночным ветром, пропитанным ароматами цветов. От этого приятного дыхания ночи её шаг стал легче. По мере того как звезды на небе разгорались всё ярче, ночная мгла вокруг сгущалась.

Пройдя через темный переулок, Шэнь Цзиньчэн увидела у своих ворот темный силуэт. Человек сидел, сжавшись в комок, уткнувшись лицом в колени.

Странно.

Уже совсем стемнело, все попрятались по домам. Когда она уходила, многие лавки уже закрывались, а прохожие торопились вернуться к своим очагам. Кто же это сидит здесь в такой час?

Неужели беженец? В последние годы стихийные бедствия шли одно за другим: то наводнения, то засуха. Деревня Силу находилась в стороне, поэтому беженцев здесь было немного, но в поселке Фэнлинь уже можно было встретить целые толпы людей с чужим акцентом, просящих милостыню.

Если бы была возможность, Шэнь Цзиньчэн предпочла бы обойти этого человека, но деваться было некуда — он сидел прямо у её порога. Собравшись с духом, она подошла ближе, намереваясь проскользнуть мимо.

Когда она оказалась совсем рядом, человек поднял голову. К удивлению Шэнь Цзиньчэн, это был Ду Жо.

Несмотря на полумрак, было видно, что одежда на нём изорвана, а на лице виднелись ссадины. Что же с ним случилось?

Шэнь Цзиньчэн рывком подняла его на ноги:

— Почему ты сидишь здесь?

Увидев Шэнь Цзиньчэн, Ду Жо, словно щенок, нашедший хозяина, залился слезами:

— Хозяйка, вы наконец-то вернулись!

— Что произошло?

Ду Жо разрыдался:

— Цзинь-нян, я такой никчемный... Все оставшиеся на сегодня леденцы растоптали.

— Кто?

— Тот старый мужлан из нашего двора...

Шэнь Цзиньчэн завела Ду Жо в комнату, успокоила его и постепенно восстановила ход событий. Оказалось, что сегодня, когда Ду Жо возвращался домой, у него осталось ещё несколько связок леденцов. Проходя через двор, он столкнулся с Тощим. Тот, увидев, что парень один, решил, что его легко запугать, и потянулся к леденцам, заявив, что это компенсация за недавнюю перепалку. Ду Жо не позволил, они начали ругаться, а потом дело дошло до драки. Разве мог Ду Жо тягаться с этим хамом? Тот исцарапал и исщипал его, а леденцы оказались в грязи, перепачканные и непригодные для продажи.

Выслушав эту историю, Шэнь Цзиньчэн усмехнулась. Сам напросился. Её и так сегодня распирало от злости, которую некуда было деть, а тут ещё и этот случай — вспыльчивый характер взял верх!

Она схватила Ду Жо за руку и, полная ярости, направилась к дому Тощего. Одним ударом ноги она распахнула дверь. В нос тут же ударил спертый, зловонный запах. Тощий и правда был грязнулей: комната была завалена всяким хламом, ступить было некуда, сплошная антисанитария. Шэнь Цзиньчэн даже засомневалась, не завелись ли там блохи.

Окинув комнату взглядом, она заметила жену Тощего — изможденную, желтолицую женщину, которая выглядела болезненно. Супруги сидели за столом и ели: рисовая каша, соленья, паровые булочки. Шэнь Цзиньчэн даже увидела свои леденцы.

Не дожидаясь, пока они что-то скажут, она ворвалась внутрь и выплеснула миску с кашей прямо на голову болезненной женщине. Та завизжала, когда липкая жижа потекла по её лицу и одежде.

Тощий наконец испугался. Он привык всех притеснять, а эта пара казалась ему мягкой и безобидной, вот он и решил, что ничего страшного не случится. Кто же знал, что они такие дерзкие!

— Ты чего творишь? — взвизгнул он. — Я с тебя компенсации не просил, а ты ещё и заявляешься? Ты видела, как твой мужлан меня поцарапал?

Тощий боялся получить побои, но не мог удержать свой поганный язык. Шэнь Цзиньчэн лишь усмехнулась, схватила его за длинные волосы и потянула за собой, словно быка за кольцо в носу. Она вдавила его лицо в стол и опрокинула остатки каши сверху. Липкий рис мешал ему открыть глаза, и он принялся молить о пощаде. Его никчемная жена забилась в угол и не посмела вмешаться.

Опустошив миску, Шэнь Цзиньчэн разжала челюсти Тощего и принялась запихивать в его рот отобранные леденцы.

— Раз так любишь есть, — улыбнулась она, — ешь побольше. Наешься досыта, чтобы впредь

руки не распускал.

Рот Тощего был набит четырьмя или пятью ягодами боярышника, уголки губ треснули, а жесткая сахарная глазурь исцарапала полость рта. Боль была невыносимой, он даже кричать не мог.

У Шэнь Цзиньчэн не было намерений щадить мужчину. Тощий сам подвернулся под горячую руку, когда она была в бешенстве из-за неудач у Чэнь Яня. В конце концов, в этой стране, где правят женщины, драка — дело обычное, да и повод у неё был весомый.

Она надеялась, что Тощий проявит хоть каплю твердости и даст ей повод избить его как следует, но тот оказался трусливым подлецом, который теперь только дрожал и заискивал. Посмотрев на это жалкое зрелище, Шэнь Цзиньчэн достала платок и вытерла руки:

— Тьфу, скукотища.

После устроенного погрома в тесной комнатке царил хаос, а супруги жались в углу, дрожа от страха. Шэнь Цзиньчэн нависла над ними:

— В следующий раз, когда вздумаете обижать моего мужа, одним кормлением кашей дело не обойдется.

Тощий в ужасе закивал:

— Больше не буду! Я больше никогда не посмею!

Шэнь Цзиньчэн холодно усмехнулась и, прихватив Ду Жо, вышла прочь.

На следующее утро, перед самым отъездом, Шэнь Цзиньчэн всё ещё беспокоилась за Ду Жо. Ей нужно было идти в уездный центр подавать жалобу, а дорога туда и обратно могла занять два дня. Оставить Ду Жо одного в деревне было опасно — вдруг Тощий снова начнет к нему приставать?

Она предложила ему вернуться в деревню Силу и подождать её там. Ду Жо послушно согласился.

На горизонте едва забрезжил рассвет. Шэнь Цзиньчэн проверила содержимое своей сумки: лепешки, фляга с водой, немного серебра и чистая одежда. Убедившись, что всё на месте, она надела шляпу и вышла за порог. Они с Ду Жо стояли у ворот, прощаясь.

— Жо-лан, ты отправляйся в деревню поскорее, — сказала она. — Я заберу тебя, как только вернусь.

Вчера, увидев, как обижают Ду Жо, она прониклась к нему чувством защиты. В утреннем свете высокая женщина казалась необычайно красивой, и в легком ветерке, пахнущем персиковым цветом, Ду Жо чувствовал, что готов утонуть в её взгляде. Вчерашний героический поступок жены не давал ему покоя всю ночь, он был взбудоражен до предела. Он и раньше любил её всей душой, но не ожидал, что чувства могут стать ещё глубже. Одно лишь осознание того, что он стоит рядом с ней и дышит тем же воздухом, заставляло его дрожать от счастья. А мысль о том, что когда-нибудь она родит ребенка, в котором будет течь его кровь, делала его самым счастливым человеком на свете. Он был готов служить ей верой и правдой до конца своих дней.

Услышав, что Цзиньчэн собирается ехать за ним в деревню, Ду Жо смущенно потянул её за рукав:

— Цзинь-нян, не нужно возвращаться в деревню. Я сам приду, как только придет время.

Она улыбнулась и кивнула:

— Хорошо. Позаботься о доме.

<http://bllate.org/book/20756/2081311>